

АЛЕКСАНДР БИКБОВ,
СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Российская социология: автономия под вопросом¹

Правила метода и «социальная проблема»

Отражаясь от вершины академического престижа, политические принципы формирования собственной позиции охватывают по нисходящей все пространство дисциплины. На различных уровнях научной иерархии, в зависимости от места и времени (прежде всего в поколенческом выражении) их форма варьируется, делая порой трудно различимыми инварианты оппозиции, столь явственно воплощенной в фигурах двух академиков. Однако чем больший вес тот или иной социолог имеет в пространстве дисциплины, тем более вероятно появление в его тексте явных отсылок к тем же политическим делениям конца 1980-х — начала 1990-х гг. В качестве примера замещения социологических делений политическими мы уже приводили цитату из словарной статьи, где роль известного социолога В. А. Ядова² характеризуется через консолидацию вокруг него «либерального крыла профессионального сообщества». Это определение, в свою очередь, проясняет принцип периодизации дисциплины, предложенный самим Ядовым. В соответствии с ним, «точку в истории советского периода отечественной социологии» ставит не что иное, как публикация доклада Т. И. Заславской на Западе в 1983 г., после чего Россия начинает входить в «глобальное научное сообще-

¹ Часть 2. Начало работы опубликовано в номере 5-6 за 2002 г.

² Родился в 1929 г., окончил философский факультет и аспирантуру ЛГУ; после XX съезда КПСС в течение 2 лет являлся секретарем райкома ВЛКСМ; в конце 1950-х возглавил лабораторию социологических исследований при ЛГУ; в 1963–1964 прошел стажировку в Манчестерском университете и Лондонской школе экономики; в 1950–60-х руководитель коллектива исследования трудовой мотивации; один из редакторов коллективной монографии «Человек и его работа» (1967), получившей признание в качестве базового текста советской профессиональной социологии; автор известного учебника эмпирической социологии «Социологическое исследование: методология, программа, методы» (1968, переизд. в 1972, 1987); в 1968 возглавил ленинградское отделение ИКСИ; в 1988 — директор-организатор ИС АН. Неизбежно неполная биографическая сноска, где не получил отражения целый ряд поворотных пунктов социальной траектории, может быть дополнена по указанной словарной статье и интервью в сборнике «Российская социология 60-х годов».

ство... освобождаясь от давления “единственно правильной и всеобъемлющей” теоретической парадигмы»³. Устанавливая явное соответствие между политическим резонансом «реформаторского» доклада и поворотом во внутренней истории дисциплины, также выраженной в крайне политизированных терминах научного изоляционизма/глобализации, В. А. Ядов тем самым объективирует собственную позицию, сближающуюся с позицией Заславской — через признание ее либерального реформаторства одновременно политически и социологически значимым. Столь явные политические (само)определения обнаруживаются в текстах прежде всего тех социологов, чьи траектории в конце 1980-х — начале 1990-х меняются вместе со всей социологией, «вдруг» получившей официальное признание и роль инструмента Нового порядка. Последующая дифференциация и дрейф индивидуальных позиций, равно как позиции всей дисциплины в политическом пространстве, растворяют профессиональные самоопределения в оттенках, вплоть — как мы видели на примере Г. В. Осипова — до сближения с политической оппозицией правительственному курсу. Однако это мало затрагивает язык, на котором они выражаются: самоопределение в целом может быть противоречиво, но его элементарный состав сохраняется.

Наличие общей системы политических координат и языка, объективирующего прагматику дисциплины, указывает нам направление следующего шага анализа. Если, как в случае с обоими академиками, политические расхождения получают явное выражение в ключевой период конца 1980-х, нужно предположить, что общее для них представление об экспертных функциях социологии на начальном этапе реформ, которое рельефно проступает, в целом, во всей массе социологической литературы, опубликованной со второй половины 1980-х до начала или даже середины 1990-х, вытекает из ранее сложившегося согласия относительно содержания и назначения социологической практики. Иначе говоря, если открытая политическая дифференциация позиций в дисциплине датируется концом 1980-х, то прежде профессиональное мышление должен был характеризовать относительно однородный набор базовых очевидностей, на основе которого эта дифференциация и стала возможной. Что это за набор и насколько сильно он оказался затронут произошедшими в дисциплине изменениями? — отвечая на эти вопросы, мы проникаем на еще более глубокие уровни социологического здравого смысла.

Как мы уже указывали ранее, советская академическая социология на протяжении 1960–80-х гг. утверждалась прежде всего через рецепцию профессиональной социологии США, которая выступала для нее исходной плоскостью: одновременно притяжения («западный опыт») и отталкивания («критика буржуазных теорий»). При этом официальное определение дисциплины в качестве набора «теорий среднего уровня и конкретных эмпирических исследований», которое в условиях открытого надзора со стороны официальной философии функционировало как действительный практический регулятив, превращало методы и результаты эмпирической работы в центральные темы

³ Ядов В. А. Предисловие // Социология в России. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 12.

реферативных и собственно социологических текстов⁴. Собственно, одна из основных ставок социологической профессионализации непрофессионалов и состояла в освоении ими методов эмпирических исследований, которые в системе политических координат этого периода являлись главным аргументом в пользу существования дисциплины. Об этом, уже с позитивной стороны, а не в контексте борьбы с историческим материализмом, свидетельствуют как сами социологи старшего поколения⁵, так и общий объем реферативных статей, пособий и справочных материалов, которые в явной форме транслируют «западные» алгоритмы проведения исследования. Еще в конце 1960-х публикуются обширные пропедевтические тексты, которые обходят стороной чистую «буржуазную теорию», на протяжении всего советского периода сохранявшую исключительный статус в силу слабой связи с господствующими моделями социологической практики, и которые полностью посвящены техникам эмпирического исследования⁶. Однако уже в 1968, а большими тиражами — с начала 1970-х появляются отечественные пособия, которые не просто предлагают перечень технических приемов для воспроизведения, но через нормативную риторику, наделенную статусом теории (методологии), локализируют его в советском академическом контексте, и, вместе с тем, перемещают прежде отчетливо «западные методы» в универсальную перспективу социологии как таковой. Речь идет о появлении таких книг, как «Социологическое исследование: методология, программа, методы» (В. А. Ядов, 2-е изд. 1972⁷); тогда же — «Лекции по методике конкретных социальных исследований» (под ред. Г. М. Андреевой, 1972); несколько позже — «Рабочая книга социолога» (под ред. Г. В. Осипова, 1977), — которые в форме исчерпывающего списка и уже от лица советской социологии восполняют постоянный спрос на практические руководства. Все три издания получают широкое признание, два из них (ядовское и осиповское) вновь издаются на протяжении советского периода, а представленный в них репертуар методов, набор понятий и определений задают парадигму профессиональной социологии в СССР.

Что объединяет эти руководства, признанные и канонизированные целыми поколениями советских социологов? Во-первых, «методологическая часть», которая по видимости отличает пособия друг от друга, будучи производной от институциональной конъюнктуры их появления⁸. При имеющихся

⁴ См., напр.: Социологические исследования. Список литературы. Ленинград: Библиотека АН СССР, 1971. В двух основных разделах, «Методика социологических исследований» и «Социологические исследования в НИИ и на промышленных предприятиях» количественно преобладают работы по следующим темам: математика и статистика в социологии, методы и методики социологических исследований, социальное управление и прогнозирование (первый раздел); оптимизация и организация труда, социальное развитие и прогнозирование коллективов, планирование и прогнозирование производства и трудовых ресурсов на предприятиях и в НИИ, отношение к труду (второй раздел).

⁵ Интервью в уже упоминавшемся сборнике «Российская социология 60-х годов».

⁶ См., напр.: *Монина М. Л.* Критический очерк методов и техники социологических исследований за рубежом // Информационный бюллетень: материалы и сообщения. № 1, 1967.

⁷ 1-ое ротационное издание — 1968 г., в издательстве Тартуского университета.

⁸ Так, академическая «Рабочая книга социолога» в части изложения принципов исследования — усложненное выражение логики, которая более прозрачно представлена в университетских «Лекциях», выпущенных пятью годами ранее. Вместе с тем, в «Рабочей книге» изложе-

отличиях базовая структура этой части составлена неизменным рядом официально лицензированных понятийных пар: объекта и предмета, целей и задач, абстрактного и конкретного, данных и гипотез, социальной ситуации и проблемы исследования, — которые образуют нормативную схему (одновременно идеологическую и практическую) исследования. Во-вторых, неизменный репертуар техник и способ их представления, мало отличающий эти советские пособия от рефератов по «зарубежным исследованиям». Техники — это анкетирование, интервьюирование, наблюдение, анализ документов, социальный эксперимент. Как и в случае с «методологическим» схематизмом, репертуар техник представлен в виде готового набора, элементами которого социолог может воспользоваться в зависимости от стоящих перед ним задач. Наконец, тематический репертуар, построенный преимущественно по отраслевому принципу: социология труда, социология молодежи, исследования социальной структуры и т. д. Подобие структуры всех трех пособий указывает не только на то, что они явным образом представляют, но и на то, о чем они умалчивают, маскируя одну из искомым базовых очевидностей. В логике готового к употреблению инструмента таковой оказывается бессмысленность проблематизации самой исследовательской практики и невозможность теоретической классификации предлагаемых техник. Иными словами, действительный методологический посыл всех этих пособий состоит в том, что структура социологической практики неподвижна. Об этом же свидетельствует алгоритмическое изложение этапов исследования, на которых мы остановимся подробнее, поскольку именно оно в своем рутинном порядке закладывает эпистемологические границы профессионального суждения.

Прежде всего следует зафиксировать условие самой неподвижности процедурного аппарата исследования. Если этапы исследования связаны строгой последовательностью, и от исходных задач зависит выбор техники анализа из имеющегося репертуара, то эти условия должны обнаруживаться уже в самом начале алгоритма. В сравнении с требующими тонкой аналитики системами мышления у Дюркгейма, Мосса, Леви-Строса или Фуко, такая доступность способна разочаровать и вызвать подозрение. Тем не менее, в отличие от скрытой неподвижности структуры социологической практики, соответствующей официальной стабильности социальной структуры советского общества, ее невозможный двигатель расположен на поверхности и никак не замаскирован высокой риторикой. Таким парадоксальным двигателем неподвижного исследования является *социальная проблема*. В социологических текстах это действительное основание выставлено напоказ, словно перед нами — удачная интеллектуальная фикция или, напротив, в лице социологии мы имеем дело с чем-то иным, нежели с интеллектуальной практикой, побуждающей к постоянной работе по эвфемизации собственных внеинтеллектуальных оснований⁹. Начиная с общей риторики и названия разделов в пособиях, заканчивая практичес-

ние бюрократических принципов исследования, практически значимых для социолога из академического института, менее эвфемизировано и дается вплоть до процедуры согласования вопросов исследования с административными инстанциями (Рабочая книга социолога, с. 124). Об этом — см. ниже.

⁹ Bourdieu P. L'ontologie politique de Martin Heidegger, p. 83–86.

кими рекомендациями по ходу работы, социальная проблема неизменно выступает узловым пунктом реальности — одновременно политически и научно действенным началом любой легитимной версии исследования.

Способы ее тематизации принципиально схожи во всех трех пособиях. «Поставленная самой жизнью» социальная проблема прямо отождествляется с проблемой социологического исследования, которое ее призвано разрешить¹⁰. В университетском учебнике это отождествление усиливается императивом гражданской ответственности, которая, помимо ответственности научной, необходима при формулировке проблем. Принцип ответственности усиливается еще одним требованием: видеть и понимать большие, «магистральные проблемы общества и соотносить с ними те частные проблемы, которые должны быть решены в отдельном конкретном исследовании»¹¹. При сходстве с милсовским принципом социологического воображения, сформулированным в конце 1950-х¹², в советском использовании оппозиции общего/частного применительно к социологическому исследованию задана явная политико-административная точка реальности или даже открыто обозначена фигура социального заказа, в соответствии с которым должно вестись исследование¹³. Именно «невозможность решения социальной проблемы имеющимися средствами создает прецедент обращения к науке» (там же, с. 127). Для понимания того, что эти формулировки имеют практический смысл, а не являются маскировочной риторикой в действительности автономной рефлексии, следует снова вспомнить о факте институционализации официальных представительских функций социологии (ССА¹⁴) десятилетием раньше исследовательских (ИК-СИ¹⁵), а также, в целом, о механизме опережающего административного, по отношению к научному, определения позиций в пространстве дисциплины.

В структуре советской научной политики социология удовлетворяет двум основным назначениям: доказательство преимуществ социалистического образа жизни в международном соревновании (цель создания ССА) и оптимизация управления научно-техническим прогрессом, прежде всего регуляция трудовых отношений: проблемы текучести кадров, использования рабочего времени, сплоченности коллективов и т. д. Именно этим конкретным административно-политическим назначением объясняется появление в «Рабочей книге социолога» подробных инструкций о процедуре *административного согласования теоретической программы исследования*¹⁶. Одновременно, в социологии отсутствуют те нейтральные технические средства, которые гарантиру-

¹⁰ Рабочая книга социолога, с. 127.

¹¹ Лекции по методике конкретных социальных исследований /Под ред. Г. М. Андреевой. М.: Издательство МГУ, 1972. С. 7.

¹² Миллс Ч. Социологическое воображение /Пер. с англ. О. А. Оберемко под ред. Г. С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998. Гл. 1 (первое издание: 1959).

¹³ Рабочая книга социолога, с. 129.

¹⁴ Советская социологическая ассоциация (см. I часть статьи, «Логос» №5-6, 2002).

¹⁵ Институт конкретных социальных исследований АН СССР.

¹⁶ «В разработке теоретической программы принимает участие широкий круг социологов в сотрудничестве с административными органами и общественностью тех предприятий и учреждений, где предполагается проведение социологического исследования» и т. д. (с. 124).

ют относительную автономию иным (прежде всего естественнонаучным) дисциплинам, защищенным своим осязаемым и измеримым вкладом в национальную экономику и безопасность. Социологическая практика не способна доказать своей — пользуясь терминами эпохи — прямой народнохозяйственной пользы, которая обосновывала бы относительную неприкосновенность ее внутренней структуры от государственного произвола, актом которого она и была учреждена. В этих условиях социальная проблема оказывается одновременно главным обоснованием возможности социологии и местом ее невозможного выхода за рамки предписанных административных полномочий. Более того, «естественным образом» исследование завершается там же, где оно инициировано — в стенах административного учреждения, формулирующего проблему и запрос на исследование.

Итак, картография социологических объектов и логика исследования оказываются плотно вписаны в телеологию административного акта: исследование служит лучшему пониманию социальной системы на уровне организации, отрасли, региона, и далее — комплексному социальному планированию; оно выявляет закономерности социальной подсистемы ввиду управления социально-экономическими процессами или решения управленческих проблем¹⁷. Управленческий успех мыслится здесь неотрывно от исследовательских задач и предпослан им в качестве ожидаемого эффекта. Между этими заранее заданными пунктами исходной проблемы и предполагаемого эффекта разворачивается весь алгоритм исследования, направляемый имманентным ему чувством административной реальности, в котором избыточна или невозможна критика понятий и проблематизация отношения к объекту. Вопрос, объект, исходные гипотезы *уже присутствуют* «в реальности»: осмыслив уже осмысленное, социолог должен лишь пустить в ход один из инструментов своего арсенала методик. Административная сверхопределенность и эпистемологическая незыблемость структуры социологической практики в конечном счете приводят к парадоксальному для эмпирической науки дедуктивизму: «Обычно в конкретном социологическом исследовании проверяются некоторые частные положения общей теории. Посредством логических операций из гипотезы получают следствия, доступные эмпирической проверке»¹⁸. Однако парадоксальным этот принцип выглядит лишь из перспективы научной автономии, с характерными для нее внутренними проблемами метода. Из перспективы административного здравого смысла, подкрепленного вердиктами истмата, он не более чем естествен.

Более точно, парадоксальная эпистемология дедуктивного конструирования гипотез в эмпирическом исследовании оказывается проекцией двух основных социальных условий: места социологического исследования в структуре государственного управления и иерархическим положением социологии в официальном реестре советских дисциплин, где истмату принадлежит официальная монополия на высшие определения: «Она [гипотеза] должна соответствовать исходным принципам исторического материа-

¹⁸ Рабочая книга социолога, с. 141.

¹⁷ Напр.: Рабочая книга социолога, с. 126. Здесь, в частности, приводится схема, предполагающая обязательную выработку рекомендаций.

лизма... Это требование играет роль критерия отбора научных гипотез и отсева ненаучных, исключает из науки безусловно несостоятельные гипотезы, построенные на основе ложных философских идей и общесоциологических теорий»¹⁹. Уместно еще раз вспомнить о последовательности создания ССА/ИКСИ: учреждение сначала пустой титульной институции, а только затем исследовательского института и центров переподготовки – та же самая «дедуктивная схема», которая находит точное отображение в алгоритме эмпирического исследования. Поэтому описывая административные условия функционирования дисциплины, можно смело отказаться от расплывчатого языка влияния: эти условия не «влияют» на социологическую практику, но напрямую объективируются в правилах метода. Формальное выражение структуры исследовательской практики, лишь незначительно деформирующей механику и логику административного акта, который присваивает себе имя социологии, и *есть* дедуктивизм и неизменность технического репертуара исследования. Представление о гипотезе как о логической конструкции, проверяемой на истинность/ложность посылок, которая, при этом, может быть и описательной, и объяснительной (в зависимости от характера исследования), хорошо согласуется с предписанием «комбинировать» в пространстве одного исследования «различные методы научного познания»: формальной логики, исторического и логического, аналитического и синтетического, индуктивного и дедуктивного и т. д.²⁰ Лишенная собственно теоретического центра, роль которого выполняет центр административный, советская версия «твердого» каузального позитивизма на деле оказывается эпистемологическим бриколажем, который без каких-либо предварительных условий и оговорок сплавляет метафизику социальных законов с неокантианскими (Виндельбанд, Риккерт) противоположностями истории/логики, истины разума и истины факта. Исследование, первоначально заявленное как процесс, сводится к точке, поскольку от предпосланных административных делений все многообразие путей (методов и гипотез) приводит обратно к тем же делениям, и проделанная работа, словно в системе классической механики, оказывается равной нулю.

В этих условиях текст социологической работы остается поверхностью отображения различных социальных сил, среди которых отсутствует забота (критика) о способах и границах совмещения этих сил в одном месте. В случае, когда профессиональная автономия в общем поле сил остается проблемой профессионалов, сама первичная проекция разнородных социальных условий в текст подвергается проблематизации – в форме вопросов об основании, о достоверности, о когерентности, о предпосылках взгляда исследователя. В случае советского социологического текста такие эмансипирующие процедуры нелегитимны, и их заменяют вопросы личных ошибок исследователя, недостаточно творческого или, наоборот, недостаточно строгого подхода к проблеме, корректности проведения границ объективного/субъективного и т. п. Обыденные категории употребляются наряду с риторикой «проблем управления» и лишь отчасти переопределяются на жре-

²⁰ Рабочая книга социолога, с. 150.

¹⁹ Рабочая книга социолога, с. 139.

ческом языке «науки об обществе»: «Для части молодежи жизненные планы не соответствуют той реальной сфере, где молодой человек применил свои силы»²¹. Критика и переопределение заимствованных проблем и внешнего языка, на котором они сформулированы, не включены в текст об исследовании, поскольку среди всех социальных сил, в нем отраженных, отсутствует *сама автономная социология*, которая могла бы стать источником критического намерения, спроецированного в текст и преобразующего влияния всех прочих сил.

В такой административной предопределенности научного факта, порождающей слаборазличимые эпистемологические и сильные политические эффекты, понятие социальной проблемы оказывается, все же, эвфемизмом, правда, эвфемизмом не научным, а политическим, производным от введенной в официальный оборот 1960–80-х риторики «народного благосостояния», «общественного развития», «социального прогресса» и т. п. Более адекватно раскодировать «социальную проблему» следовало бы как проблему управления, удостоверяемую приматом официального определения «проблемной ситуации», которое распространяется вплоть до ее онтологии, развернутой в официальном реестре социальных категорий («рабочая молодежь», «совокупность выбывших рабочих», «слесари», «токари» и т. п.), телеологии («превращение труда в первую жизненную потребность при переходе от социализма к коммунизму»), прагматических универсалиях («задача сокращения нерациональной текучести кадров») ²²... В свою очередь, реальность, которой принадлежит процедура административного акта, предполагает специфическую бдительность и ответственность, рождая требование реалистического взгляда на «социальную ситуацию» и указания на опасность «псевдопроблем» или «мнимых проблем», ясно нигде не сформулированных, но оттого не менее грозных ²³.

Итак, исходная точка кристаллизации профессионального здравого смысла ясно обозначилась. Административное предопределение социологического исследования, сведение социологической и социальной проблемы и существование готового репертуара исследовательских техник – вот условия того внутрисоциологического консенсуса, на основе которого происходит позднейшая политическая и тематическая дифференциация. Из пионерских работ и пособий конца 1960-х – начала 1970-х схема объекта/предмета, способ определения проблемы, принцип дедуктивного конструирования гипотез, типология методов исследования без существенных корректив переносятся в многочисленные эмпирические труды и новые пособия. Относитель-

²¹ Лекции по методике конкретных социальных исследований, с. 7; Рабочая книга социолога, с. 12. Соседство легитимной социологической и, одновременно, административной категории «молодежь» с категорией «молодой человек» в ее обыденном понимании («применил свои силы») маскирует разрыв: общепонятная категория словно бы поясняет специальную и, вместе с тем, между ними устанавливается неявное тождество.

²² Эти же формулировки присутствуют в одной из бесспорных энциклопедий советской социологии, коллективном труде: Человек и его работа / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М: Мысль, 1967.

²³ Лекции по методике конкретных социальных исследований, с. 7; Рабочая книга социолога, с. 128.

ная устойчивость структуры государственного аппарата и административного аппарата в самой социологии обеспечивает длительную актуальность именно такого порядка профессиональной практики. Однако в конце 1980-х череда сдвигов в административной инфраструктуре политического режима затрагивает и структуру профессионального производства. Как Академия наук, в рамках которой институционализированы наиболее уважаемые разделы социологии²⁴, так и профессиональная социология с 1991 до середины 1990-х претерпевают быструю трансформацию. Изменение прежде всего экономических условий – базового финансирования, расходов на исследования, заработной платы – *de jure* сохраняя за научными предприятиями статус государственной службы, *de facto* сближает их со свободными профессиями. Эта решающая трансформация, которая протекает, как мы показали ранее, одновременно с политической поляризацией дисциплины, должна сопровождаться также изменением схем производства. Действительно ли эти быстротекущие и глубокие изменения в инфраструктуре социологической практики затронули ее базовые очевидности?

Ответить на этот вопрос можно, захватив сразу несколько направлений. Во-первых, следует сопоставить схематизм новых учебников с советскими пособиями, сделав поправку на радикальную смену основного круга их потребителей: от переквалифицированных в социологи полупрофессионалов советского периода – к студентам социологических факультетов с конца 1980-х по настоящее время. Логике конструирования текста учебника в контексте образовательного рынка посвящен следующий раздел нашей работы. Во-вторых, зафиксировать сходства/отличия текста пособий конца 1960-х – начала 1970-х от их переизданий, вышедших с середины 1990-х. Для подобного сравнения у нас имеется по крайней мере одна работа из числа упомянутых – пособие В. А. Ядова. Наконец, выделить актуальные способы определения социологии по отношению к выявленной нами реальности «социальной проблемы». Учитывая масштаб работы, которую предполагает каждое из указанных направлений, мы снова ограничимся наиболее емкими и иллюстративными образцами в рамках каждого из них.

Начнем по порядку. В 1998 пособие В. А. Ядова переиздается как учебник обновленной дисциплины – начиная с заглавия²⁵. С середины 1990-х текст выходил несколько раз: в 1995, 1998, 2000 гг. и корректировался в соответствии с «духом времени». Однако в данный момент нас интересует не последовательность смысловых сдвигов, произведенных в тексте, но возможная преемственность между схематикой советской социологической практики и ее определением в новом профессиональном контексте. Принципиальны ли изменения, внесенные в пособие, которое пользуется наибольшим признанием в академическом секторе как до, так и после 1991 года? Ввиду всего предшествующего анализа, нас не должно слишком удивлять, что коррекци-

²⁴ Собственно научные, в отличие от инженерно-прикладных, институционализированных в форме социологических служб при крупных предприятиях, и идеологических – в форме Академии общественных наук при ЦК КПСС.

²⁵ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998.

вы носят комплементарный характер, позволяя, не отвергнув явным образом истин советской социологии, получить прибыль и от умелого сохранения старого, и от осторожной эксплуатации нового. С первых страниц текста определение социологии через системно-структурный подход, т. е. лицензированное парсонсианство 1960-х, *дополняется* пониманием «индивидуальных смыслов человеческого поведения» (с. 5)²⁶. Предмет науки определяется зависимостью от «прогресса знания и *меняющихся потребностей общества*» (с. 16; [курсив наш. — А. Б., С. Г.]): в этой формуле в эвфемизированном виде объединены как «нужды практики» советской научной политики, так и коррективы, внесенные в них Переходом конца 1980-х — начала 1990-х. А наиболее общие определения дисциплины продолжают дискуссии о предмете социологии в терминах 1960–80-х, которые воспроизведены сразу вслед за критикой официального трехчастного деления социологии в советский период (с. 28)²⁷. Вот основные оппозиции, в которых, согласно новому определению, социология по-прежнему классифицирует изучаемый мир, тем самым классифицируя саму себя: социальные отношения / социальные общности (с. 32–36), общетеоретическое осмысление / частносоциологическая теория, массовые процессы и коллективное поведение / индивидуальное поведение (с. 36).

Неудивительно, что эти оппозиции, по видимости лишенные социального места и времени, снова к ним возвращаются, как только речь заходит об иерархии (уровнях) социологического знания. Здесь повторяется то же трехчастное деление, только место общесоциальной теории, освобожденное истматом, занимает более нейтральная категория, заимствованная из того же истмата — «мировоззрение». В итоге, иерархия выстраивается следующим образом: 1) общенаучное мировоззрение, 2) общая и специальная социологическая теория (из которой дедуцируется программа исследования)²⁸, 3) обоснованность и надежность процедур эмпирического исследования (с. 40–50). Подтверждает актуальность конвертированных советских классификаций и определение социологически допустимого факта: повторяющиеся (статистически обобщаемые) события; обращение к «единичным событиям» допустимо лишь при условии их «особой научной и общественной значимости» (с. 52; [курсив наш. — А. Б., С. Г.]). Через косвенные отсылки к общественным «потребностям» и «значимости» социальная проблема сохраняет в новом тексте лишь призрачное существование. Однако как только начинается изложение самого алгоритма исследования, текст полностью обнажает эту скрытую фигуру. Для разработки программы как «теоретико-прикладного», так и «прикладного исследования» центральной задачей называется решение социальных проблем (с. 69, 71). Более того, задача социолога состоит в том, чтобы помочь довести социальную проблему до созна-

²⁶ Здесь и далее ссылка с номером страницы дается по изданию 1998 г.

²⁷ Уже упоминавшаяся иерархия: общая социальная теория / теория среднего уровня / прикладные исследования, — где высшая истина общей теории в возобновлявшейся борьбе социологов за обладание ею, до конца 1980-х вновь и вновь оставалась за истматом.

²⁸ В этом состоит важное отличие от схематизма советских пособий: программу исследования предлагается дедуцировать не из социальной проблемы, а из социологических теорий.

ния ее общественной значимости и до формулировки «социального запроса» на ее исследование (с. 72).

Последний пункт представляется нам ключевым, поскольку в свернутом виде содержит практическую истину глубокого внутреннего сдвига, затронувшего всю постсоветскую социологию. С одной стороны, формулировка во всем согласуется с административным определением смысла социологической практики, которое действует с конца 1960-х. С другой стороны, продлевая первое и узнаваемое определение, она отвечает на вызов «духа времени» и, при этом, вносит такие коррективы, которые принципиально не изменяют отношения социологии к реальности административного акта. Напротив, они усиливают эту реальность, превращая социолога из простого ремесленника в решении социальной проблемы в ее ангажированного (рынком) *производителя*. То же самое, что прежде являлось профессиональным долгом социолога, в новых условиях оказывается его профессиональным интересом, вытекающим из нужды в оплаченном заказе на профессиональные услуги. Взгляд на социальный мир, обеспеченный таким интересом, в пределе приближает весь мир к сумме официально признанных симптомов общественной дисфункции, которую социолог оперирует готовыми инструментами из имеющегося у него арсенала. Принципиальный сдвиг в профессиональной конъюнктуре, который не затрагивает основы профессиональной практики, отменяет необходимость реформировать и сам дедуктивный алгоритм исследования: 1) формулировка проблемы, 2) определение объекта и предмета, 3) уточнение и интерпретация основных понятий, 4) предварительный системный анализ объекта исследования, 5) развертывание рабочих гипотез (с. 70). Таким образом, дополнение советского теоретического горизонта «индивидуальными смыслами поведения» выступает по отношению к основной схематике лишь риторическим декором, который способен уберечь от девальвации символический капитал пособия и даже увеличить его за счет двойной игры со старым и новым. Однако оно во все не предполагает решительного разрыва с исходным определением социологии через социальную проблему – разрыва, осуществленного наиболее автономными позициями, например, во французской социологии²⁹.

Объясняется ли скорректированное определение дисциплины через социальную проблему своеобразной честностью переизданного пособия, или те же фигуры реформированного здравого смысла обнаруживаются в массиве актуальной профессиональной литературы? Чтобы ответить на этот вопрос через иной представительный пример, следует обратиться к тексту, вмещающему в себе сразу несколько ключевых признаков: происхождение из центральной профессиональной инстанции, обобщающий характер, по возможности наиболее широкий репертуар тем и подходов. Именно в таком ка-

²⁹ В качестве сопоставимого образца такого автономного определения социологии можно привести не что иное, как учебник, где социальная проблема рассматривается не как отправной пункт исследования, а как его объект (*Ленуар Р., Мерлье Д., Пенно Л., Шампань П.* Начала практической социологии / Пер. с фр. Д.В. Баженова, А.Т. Бикбова, Е.Д. Вознесенской, Г.А. Чердниченко под ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. В особенности гл. II, III).

честве можно рассматривать коллективный сборник, содержащий результаты одного из многолетних титульных проектов центрального академического института (Института социологии РАН)³⁰, в котором имеется явно обозначенный теоретический раздел³¹. Его статьи написаны, в основном, руководителями подразделений, при подготовке издания был произведен отсев нескольких «неформатных» текстов, а последующая редакция принятых в сборник статей обеспечила их минимальную стилистическую и содержательную гомогенность перед лицом господствующего в институции здравого смысла. Наконец, издание сообщает о результатах работы коллегам-социологам и одновременно представляет внешнему читателю институт в целом. Все это позволяет нам, обратившись к текстам теоретического раздела, рассматривать их не просто как разрозненные статьи с индивидуальным авторством, но все вместе — как одну из тематических проекций позиции института, что вполне соответствует нашей задаче изучения здравого смысла дисциплины, который не сводится к индивидуализированным характеристикам позиций, но, напротив, объективирует наиболее общие и основополагающие структуры мышления, гарантированные институционально.

Чтобы облегчить прочтение сборника как продукта институции и нейтрализовать эффект имен собственных, мы можем допустить, что весь теоретический раздел, состоящий из 13 статей, является одним макротекстом, в котором тексты отдельных статей представляют собой лишь подразделы³². Это оказывается продуктивным ходом для анализа дисциплинарной прагматики. В каждой из статей определение социологии через какую-либо частную проблему или задачу в явном виде представлено два-три раза, однако во всем теоретическом макротексте эти определения могут повторяться, через повтор обнажая и укрепляя базовые очевидности, общие для различных позиций, совокупность которых и объективирована в сборнике. Такой подход дает очень показательные результаты, поскольку позволяет обнаружить регулярное присутствие в вопросах, на которые призвана ответить социология, нескольких основных тем и оппозиций. Вот их основной список: неизбежность и устойчивость демократических изменений, диагностика социальных проблем и оптимизация управленческих решений, необходимость научно обоснованной политики, интеграция России в общую цивилизацию или ее особый путь. Более точно образцы вопросов и проблем, решение которых предписывается социологии, таковы:

*Устойчивость демократических изменений и их научное обоснование*³³: «Насколько реальна перспектива устойчивых и благоприятных социальных изменений в России?..» (с. 18); «...Если рассматривать трансформацию как не-

³⁰ Россия: трансформирующееся общество /Под ред. В. А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

³¹ Раздел «Теоретико-методологические подходы и социальная реальность».

³² Макротекст сохраняет неоднородность от раздела к разделу (т.е. от статьи к статье) из-за различия позиций их авторов внутри дисциплины и внутри институции. Фикция единого текста, таким образом, относительно слаба и не нарушает структуры теоретического раздела, однако облегчает интерпретацию изолированных нами фрагментов как частных проекций профессионального здравого смысла, которому придано теоретическое, т.е. наиболее возвышенное и академически признанное выражение.

³³ Группировка фрагментов и обозначения тем введены нами для удобства их восприятия.

обходимый и неизбежный процесс, то очевидным становится отсутствие теоретически и практически обоснованной политики по социальной реконструкции России» (с. 91); «определить тормозящую/стимулирующую роль отдельных признаков социокультуры применительно к тем или иным моделям развития российского общества» (с. 129); проблемы «перехода от демократии к авторитаризму» и «роста антидемократических настроений» (с. 180); «для страны актуальны непростые вопросы: как люди разных национальностей адаптируются к политическим и социально-экономическим переменам...» (с. 197).

Диагностика болевых точек и выработка управленческих решений: «Последнее десятилетие общественные науки были озабочены угрозами и страхами, переполнявшими российское общество» (с. 21); восстановление критического духа социологии, позволяющего «диагностировать болевые точки общества» (с. 78); выявление благоприятной/неблагоприятной ситуации в сфере образования для учебы (с. 144–145); необходимость формулировки «стратегической цели ... создания жизнеспособного общества в жизнеспособной, экологически устойчивой среде» (с. 196); формирование «нового обширного поля научно-исследовательского поиска, ориентированного на интеграцию междисциплинарного научного знания в практику выработки социально значимых управленческих решений» (с. 222).

Общая цивилизация/особая цивилизация: «Российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской» (с. 12); «либеральная модернизация» и «построение гражданского общества»/«особый путь» (с. 124); обоснование того, что «государство и цивилизация – фундаментальные завоевания истории и непреходящие ценности» (с. 167); проблематизация «модели российской цивилизации» и проблематизация ее статуса как «локальной цивилизации» (с. 168–169).

В основном, эти фигуры, с которыми мы уже сталкивались в ранее проделанном анализе, напрямую отсылают к схематике 1960-х или к логике Поворота конца 1980-х – начала 1990-х. Появление «геоцивилизационной» темы особого пути, неожиданной для академической социологии, можно объяснить политической конъюнктурой профессии, а именно, объективацией позиций социологов, оказывающих экспертные и консультационные услуги новым инстанциям государственной власти. Однако и в этом случае тема может быть лишь иным выражением политической оппозиции, столь выпукло представленной в текстах двух академиков, Г. В. Осипова и Т. И. Заславской. Так, два последних фрагмента – по виду бессодержательная попытка утверждения непреходящей ценности государства и не-локального статуса российской цивилизации – не что иное, как переформулированное выражение либеральной доктрины, которое имеет смысл не само по себе, но как противовес изоляционистской и националистической риторике. Здесь, как и в текстах двух академиков, смысл сказанного проясняется при обращении к непосредственно политическим классификациям. В целом, приведенные образцы указывают, что социология и в ее теоретическом определении продолжает мыслиться как способ решения политических и административных задач. С этой точки зрения показательно, что из 13 статей теоретического раздела, тавтологически или нетавтологически утверждающего представление о соци-

ологически допустимом и должном, лишь одна (с. 104–122) не связана с социальными проблемами подданническим отношением, вернее, социальные проблемы в качестве таковых в ней вовсе не тематизированы.

Еще одна статья поначалу указывает на независимость научного смысла от широкого непрофессионального признания³⁴, однако эта по видимости автономистская заявка опровергается как предостережением против излишней научной автономии, так и попыткой навязать даже не инструментальные техники, а *саму теорию* как инструмент социальной терапии³⁵. Этот случай столь же иллюстративен, как и все менее эвфемизированные и более наивные примеры, взятые нами ранее для анализа. Он позволяет увидеть действие здравого смысла дисциплины в наиболее удаленном от эмпирической «почвы» выражении: несмотря на заявленную через теоретические тему и язык дистанцию от прикладной социологии, в этом фрагменте макротекста воспроизводится все та же дисциплинарная прагматика. Говоря точнее, дистанция является здесь всего лишь эффектом формы, тогда как сам «теоретический» текст объективирует ту же настоятельность социальных проблем – в возвышенном регистре и с употреблением кавычек. Утверждая дистанцию, эта стратегия не предлагает взамен ничего отличного от обычного и политического здравого смысла, который содержится в акте административного учреждения дисциплины через «социальную проблему». Именно отсюда в наиболее рафинированное рассуждение проникает знакомая фигура «болезненной, важной темы для общественной коммуникации» (с. 58). Точно так же, как «обычный социолог» рассчитывает на роль консультанта в отношении частной социальной проблемы, «теоретический социолог» претендует на эту роль уже в отношении всего общества или общества как такового. Таким образом, при всех риторико-теоретических предосторожностях, предостережениях и вопрошаниях, подобная стратегия дистанцирования ничего не различает социологически и ничего не противопоставляет официальному утилитаризму. Развертываясь в ясно распознаваемой, обоснованной здравым смыслом профессии системе различий, эта стратегия воспроизводит прежде всего иерархический эффект: через атрибуты научной фундаментальности она отличает своего обладателя как от «обычных социологов», так и от теоретиков «среднего уровня».

В силу своего происхождения из духа центральной институции сборник «Россия: трансформирующееся общество» более показателен, нежели отдельная статья или монография по отраслевой тематике: объективируя утилитарный здравый смысл в теоретической форме, он одновременно способствует его укреплению, обеспечивая место схемам 1960-х в новой политической и профессиональной конъюнктуре. Можно было бы продолжить ряд иллюстративных примеров. В частности, обратиться к еще одному со-

³⁴ «Конечно, для науки ценность результата не зависит от общественного внимания» (с. 46).

³⁵ «Теоретическая социология должна иметь значение для самого общества. Она должна, следовательно, отвечать не только на внутренние вопросы самой науки... [Она] должна отвечать на «вопросы самого общества»... Социологическая теория *не должна превышать определенную степень автономизации*... Чувствительность теории к социальному доказывается ее способностью *переводить в русло коммуникации темы, актуальные в других, ненаучных областях общества*» (с. 58; [Курсив наш. – А. Б., С. Г.]).

бранию тем и проблем, в централизованной форме представленных от имени социологии, причем объединившему как академический, так и образовательный секторы дисциплины. Речь идет о Всероссийском социологическом конгрессе 2000 года, где уже в заглавиях текстов-выступлений – как в наиболее близких к государственному управлению, так и в наиболее удаленных от него, т. е. формально «чистых» разделах дисциплины (например, история социологии) – присутствует отсылка к социальным проблемам, обозначенная явно или выраженная через использование «проблемных» категорий. Как парадигматический образец социологии на добровольной политической службе можно рассматривать секцию «Социология и управление современным российским обществом»: вслед за советским государственным определением дисциплины здесь возрождается тематика «научных основ управления современным обществом» и «выбора методологической базы» для такого управления. Однако и в дистанцированных от прямого политического заказа секциях, как «социологическая классика» или «современные теории», обнаруживаются столь же не соответствующие императивам научной автономии категории и конструкции: «мировоззренческое значение социологии для современной России», «изучение трансформационного общества», «изменчивость и устойчивость в развитии общества», «устойчивое развитие общества». Ряд образцовых макротекстов можно продлить. Однако увеличение числа даже столь удачных для целей нашего исследования примеров (чего не скажешь, если смотреть на них с позиции социологической автономии) уже вряд ли способно заострить взгляд на актуальное самоопределение дисциплины. Перешагнув через вал публикаций, обратимся только к одному сильному – одновременно демонстративному и производительному – факту, который свидетельствует о превращении «социальной проблемы» из дисциплинарного долга в профессиональный интерес. Взглянем на такую форму социологической самоклассификации, как списки тематических приоритетов, утверждаемые центральными социологическими институтами.

В списке Института социологии РАН, сформированном после сентября 2001 года, из 6 добровольно присвоенных приоритетов 4 явным образом отсылают к официально лицензированному «проблемному» взгляду на социальный мир: адаптация к трансформационным процессам, региональная специфика социальных процессов, толерантность и предупреждение экстремизма, девиантное поведение. Из 4 определяющих направлений другого академического учреждения, Института социально-политических исследований РАН, по крайней мере, 2 в еще менее эвфемизированной форме определяются интересами политического господства: социальная стабильность и социальная безопасность, демографические процессы в контексте социальных перемен. Самоопределения дисциплины – через определение доступного профессиональному взгляду социального мира – присвоенные академическими институтами, встраиваются в ту же логику социологического удвоения административного акта, которую мы наблюдали во всем разнообразии взятых для анализа примеров. Категории, лежащие в основе этих официальных академических самоопределений, находятся в полном согласии и со списком тем, рекомендованных социоло-

гическим факультетом МГУ для кандидатских диссертаций и в подавляющем большинстве производных от официально одобренного «проблемного» взгляда: глобализация социальных процессов, информационное общество, устойчивость и безопасность социальных систем, социальная экология, война как социальное явление, революция как социальное явление, солидарность, экстремизм и терроризм, толерантность, социальная безопасность, социальные конфликты, Россия и особенности ее развития, Россия в контексте глобализации.

Предъявляя себя вовне и одновременно вводя эти внешние определения в качестве внутренних критериев дисциплинарной специфики, в соответствии с которыми формируется или дооформляется тематический репертуар социологии, центральные институции в поисках постоянной политической, но также и рыночной ниши каждый раз оказываются вдалеке от условий вероятного научного успеха. Прежде всего потому, что они поддерживают такой механизм воспроизводства дисциплины, где функцию технических (эпистемологических) критериев выполняют критерии административного соответствия — до-определение социального мира на основе официально предопределенных «социальных проблем». В таком утверждении или предвосхищении окончательной административной санкции можно видеть одну из центральных характеристик актуального положения дисциплины. Говоря о французском случае, П. Бурдьё отмечал, что «значительная часть социологических ортодоксальных работ обязаны своим непосредственным социальным успехом тому, что они отвечали господствующему заказу на инструменты рационализации управления и доминирования или заказу на «научную» легитимацию спонтанной социологии господствующих»³⁶. Однако по-прежнему актуальное — в границах российской социологии — отсутствие сильной (институционализированной) оппозиции этому господствующему определению делает таковое не просто одним из четко маркированных полюсов в профессиональных классификациях, но слабо рефлексивной и почти не тематизированной социологически инстанцией здравого смысла, столь же диффузной, сколь неустраимой. В этом смысле, задача «показать непрерывность российской социологической традиции», организующая вокруг себя еще один интегральный, одновременно мемориальный и нормативный текст дисциплинарного самоопределения³⁷, содержит больше истины о российской социологии, чем можно предположить, имея в виду перформативный характер такой формулировки. Утверждая мифическую преемственность между дореволюционной российской социологией, новой советской социологией 1960-х и либерализованной социологией 1990-х, этот макротекст фактически опровергает и вытесняет вытеснение, произведенное либеральным Поворотом конца 1980-х — начала 1990-х по отношению к тому, что с 1960-х продолжало оставаться порождающим принципом профессиональной практики. Речь идет об акте политического учреждения дисциплины, воспроизводимом в новых и новых исследованиях и текстах. Га-

³⁶ Бурдьё П. Ориентиры // Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 82.

³⁷ Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 24–25.

рантированный институционально, он по-прежнему удерживает центр социологического здравого смысла в изменившихся условиях и располагает социологию к тому, чтобы служить не более чем формой объективации официальных институтов, согласованной с их самопредставлением.

Учебник социологии: фигуры и ставки

Актуальный рынок социологической литературы является прежде всего рынком учебников. Полки специализированных интеллектуальных магазинов в Москве или Санкт-Петербурге маскируют эту истину, действительную сегодня для всех социальных и гуманитарных наук. Однако уже большие столичные или немногочисленные провинциальные магазины зримо воплощают ее в своем ассортименте: основной объем изданий, классифицируемых под именами научных дисциплин — не что иное, как учебная литература, производимая в нескольких основных формах: для специализирующихся студентов вузов, для неспециализирующихся, для разнообразных средних учебных заведений, таблицы и конспекты, экзаменационные билеты и «шпаргалки» (порой написанные авторами учебников), наконец, популярное изложение для интересующихся, иными словами, тексты для самообразования. Формальная типология учебников приближенно воспроизводит образовательную иерархию и встроенные в ее механизм пороговые события — экзамены. Тексты, выпадающие за институционализированные и усиленные госстандартом границы — прежде всего, переводные пособия — изначально имеют меньше шансов оказаться в большом образовательном обороте вне зависимости от их научного уровня, поскольку нередко публикуются по инициативе сотрудников академических институтов, не соотносятся с официальными учебными классификациями, а потому, избегаемые большинством преподавателей и неизвестные большинству студентов, из всех представленных на рынке учебников позиций оказываются ближе всего к пособиям для самообразования³⁸.

Из спектра учебников, представленных на рынке, нас интересуют прежде всего тексты для специализирующихся студентов, т. е. пособия, которые адресуют будущим носителям профессии взгляд на ее структуру и, тем самым, в отсроченной форме предпосылают дисциплине здравый смысл, объективированный пять-десять лет спустя в первых исследованиях и текстах начинающих социологов. Рассматривать содержательные положения отдельного учебника или всего множества используемых в каждом заведении пособий в терминах «влияния» на профессиональное восприятие было бы некорректно, поскольку подобная интерпретация слишком многое *предпо-*

³⁸ Список учебников, балансирующих на грани текстов для самообразования (в т.ч. наиболее научно ангажированными студентами) и полноценных научных, т. е. «не адаптированных для образовательных нужд» изданий, образуют как переведенные еще в 1960-х «Современная социологическая теория» Беккера и Боскова и «Социальная психология» Шибутани, так и целый ряд появившихся в 1990-е книг: «Социальное конструирование реальности» Бергера и Лукмана, «Приглашение в социологию» Бергера, «Социологическое воображение» Миллса, а также недавно пополнившие список «Социология» Гидденса и коллективные «Начала практической социологии».

лагает, вынося за скобки практические условия формирования самого восприятия, которые отнюдь не сводятся к чтению учебников³⁹. Стандартный учебник, который выступает прежде всего формальным условием формально сданного экзамена, редко занимает центральное место в этой тонкой подстройке восприятия; а его место «как таковое» слишком неопределенно, чтобы, например, пытаться установить прямое соответствие между ключевыми постулатами учебников десятилетней давности и приемами интерпретации данных в актуальных эмпирических исследованиях.

Тем не менее, способ вовлечь учебную литературу в наш анализ существует. Привилегированное внимание к социологическому здравому смыслу избавляет нас от интереса к учебникам как сумме верифицируемых суждений и заставляет видеть в них упрощенные высокой риторикой системы мышления о социальном мире, которые локализованы в общем институциональном пространстве, ангажированы общими для него ставками и, одновременно с социологически допустимыми представлениями о мире, производят самопредставление дисциплины. *Структурный эффект*, обеспечивающий воспроизводство здравого смысла, состоит в совокупном действии всех учебников, сверенных с ними курсов, практических занятий и т. д., которые неявным образом, через согласованность и даже совпадение базовых классификаций, устанавливают самые расплывчатые, но все же достаточно осязаемые границы социологически мыслимого. Наиболее плодотворным для анализа материалом здесь оказывается не содержание основного текста, а прежде всего оглавления учебников, где наиболее отчетливо представлены основные социальные и социологические деления, предисловия, сообщающие о ставках дисциплины и (прежде всего) самих авторов учебников, а в основном тексте — списки, таблицы, графические схемы, при помощи которых социальному миру, равно как и миру профессии, придается наглядность и благодаря которым мы получаем прямой доступ к порождающей грамматике образовательных классификаций. Иначе говоря, здравый смысл образовательной версии социологии, отчасти переходящий в профессиональную практику и согласованный с нею — это те общие классификации, которые лежат в основе наиболее часто используемых и широко признанных учебных текстов. А таковыми являются, в первую очередь, учебники, произведенные в господствующих позициях, т. е. центральными образовательными учреждениями и/или специализирующимися в этом жанре авторами.

Одним из показательных примеров, представляющих центральную образовательную инстанцию, является большой учебник, изданный на социоло-

³⁹ На практике содержание учебника растворяется в амальгаме всех занятий, всего переписанного через дискуссии и письмо, всего прочитанного и даже случайно услышанного студентом в течение пяти факультетских лет, а смысл и ценность пунктов реальности, конденсирующихся из всего этого разнообразия, в свою очередь определяется еще более сильными, хотя и с трудом уловимыми в анализе факторами, такими как внутренняя иерархия разрешенного списка тем курсовых работ, одобрение или критика преподавателями выступлений на семинарах, устные замечания на экзаменах наряду с официальной оценкой, первенство в интеллектуальном состязании с однокурсниками, рекомендации научного руководителя и т. д. Смысл и ценность отдельных положений гарантированы разнообразными формами их признания в качестве осмысленных и ценных.

гическом факультете МГУ: *Добренков В. И., Кравченко А. И.* Социология в 3-х тт. М.: Инфра-М, 2001⁴⁰. Являясь по самоопределению «учебником продвинутого типа» (I, с. 7)⁴¹, по своей организации и объему он в самом деле предполагает известный уровень школьной заинтересованности и прилежания, что отличает его от пособий для неподготовленного читателя. При этом замысел систематического интегрального текста, транспонированный в образовательную логику, которая во имя широты взгляда поощряет нейтральное сосуществование классификаций, отмеченных высшей легитимностью, выливается в данном случае в уже знакомую нечувствительность к конфликту оснований⁴². Каждый из трех томов предлагает, по сути, конкурирующий способ классификации «одних и тех же вещей», но центральный с профессиональной точки зрения вопрос о соответствии между ними маскируется отсылкой к наиболее общим – самым нейтральным и легитимным – институционализированным разделам дисциплины: «Методология и история» (т. I), «Социальная структура и стратификация» (т. II), «Социальные институты и процессы» (т. III)⁴³. Употребив готовые деления, авторы незамедлительно получают двойную прибыль: от эксплуатации сразу нескольких «общепринятых» оснований и от расширения списка упомянутых концепций и персоналий, что с легкостью выдается за систематичность. Рассмотрим внимательнее этот образец жанра. Как и прежде, мы не ставим перед собой цели изучить весь спектр классификаций, пересекающихся в тексте. Наша задача – проанализировать представительные образцы стиля и способа мышления, которые, будучи произведены в господствующей позиции, характеризуют образовательную социологию в целом.

Начнем с привычного вопроса: каково назначение дисциплины? Предисловие к т. I уже известным нам образом устанавливает связь познания и государственной политики: учебник должен стать «инструментом познания, объяснения и реформирования российской реальности» (I, с. 5). Роль государства в определении профессионального интереса, обязательного для студентов, в свою очередь, переносится из профессиональной практики авторов: теоретической основой образовательной социологии признается госстандарт, а для написания учебника следует лишь воспроизвести заключенный в политических границах страны «опыт и материал»: «Сегодня... со-

⁴⁰ Эффект центральной инстанции проявляется и в том, что трехтомник или его сокращенная версия, снабженная грифом Минобразования (*Добренков В. И., Кравченко А. И.* Социология. М.: Инфра-М, 2001), в течение короткого времени стал базовым в ряде периферийных вузов (включая провинциальные), потеснив такие популярные в силу своей стандартизированной ясности издания, как учебники С. С. Фролова и Радугиных.

⁴¹ Здесь и далее ссылки даются по указанному изданию в формате: том, страница.

⁴² Речь идет об организации любого общего курса, неизбежно тяготеющего к весьма поверхностному перечню существующих школ, подходов, великих имен, базовых понятий, хрестоматийных фактов, – в перспективе которых любая попытка занять позицию и углубиться в исследовательскую практику одной из школ рассматривается как недостаток, предвзятость, узость взгляда.

⁴³ Эти разделы образуют неизменное ядро регулярно пересматриваемых ВАКовских классификаций, фигурируют в числе основных тем госстандарта, совпадают с названиями секторов и общих проектов социологических институтов (ИС, ИСПИ), входят в списки приоритетных направлений АН и МГУ.

здана благоприятная научная база для создания учебников нового поколения... С одной стороны, их методологический стержень составляет государственный образовательный стандарт по социологии... С другой стороны, достижения современной отечественной социологии позволяют гораздо полнее и глубже освещать такие фундаментальные проблемы российского общества, как социальная структура и стратификация, бедность и неравенство, конфликты и девиантное поведение, социальные институты и социальные процессы. Для создания такого учебника авторам необходимо только обобщить и осмыслить накопленный в стране опыт и эмпирический материал» (I, с. 5 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.]).

Образовательная логика, благоприятствующая соединению разнородного, превращает текст в проективный экран, где сливаются сразу нескольких конкурирующих оснований классификации. Приведенная нами обширная цитата позволяет видеть, что сюда интегрирован, с одной стороны, императив участия в реформах, явственно согласующийся с либеральным кредо, с другой стороны, тяготеющий к почвенничеству примат всего национально-усиленный оппозицией второго порядка между «золотым фондом отечественной социологии»⁴⁴ и тем же либеральным «обучающим монстром»: «западные теории и западная эмпирика, призванные объяснять особенности развития российского общества» (I, с. 6). По видимости четкая оппозиция, отвергающая слепое копирование «западного опыта», крайне опасна с профессиональной точки зрения, а потому постоянно балансирует на грани внутренней инверсии. В действительности, внутри оппозиции скрывается амбивалентная триада: если «отечественная социология» неизменно размещается на положительном полюсе («достижения», «золотой фонд»), то «западная теория» мигрирует между двумя противоположными полюсами — отталкивающим «образовательным монстром» и неизменно притягательным «классическим наследием мировой социологии» (I, с. 4)⁴⁵.

⁴⁴ В составе которого «современная отечественная социология» недвусмысленно переопределяется как советская: «лучшие эмпирические исследования и теоретические наработки советского и отчасти постсоветского периода» (I, с. 4–5 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.]).

⁴⁵ Профессиональная нелегитимность полного отрицания «западной теории» вписана во всю не слишком обширную генеалогию российской (включая советскую) социологии: от ключевых обстоятельств «рождений» и «возрождений» дисциплины в 1960-х и 1980-х, недвусмысленно привязанных к «западному опыту», до постоянного спроса на реферативную работу, принимающую все более дифференцированные формы, но продолжающую сохранять свои индикативно-предписательные функции. Защита авторов учебника от возможных обвинений в непрофессионализме в неявном виде содержится уже в библиографии к I «теоретическому» тому: из 437 единиц 116 — источники на английском языке, еще 44 — переводные. При этом иллюзия исчерпывающей полноты, подкрепленная отсылками к «классическому наследию» и намерением «кратко изложить воззрения классиков социологии» (I, с. 281) маскирует факт использования различных версий американской социологии, которые доминируют в общей структуре тома и в библиографии, в качестве парадигмального образца дисциплины в целом. В этом отношении крайне показателен раздел 2.2. «Современный этап социологии»: он исключает упоминание таких центральных в современной профессиональной социологии фигур, как, например, Н. Элиас или члены Франкфуртской школы, П. Бурдьё или А. Турен (подраздел «Общие особенности этапа» путем простого перечисления школ заключает всю современную социологию в политические границы США); тогда как центральное место занимает фигура Парсонса, вслед за которой в число основных направлений попада-

Еще одним отчетливым смещением становится признание государственного законодательства (госстандарта) основой научной методологии. В этом контексте оппозиция западного/отечественного, привязанная к императиву объяснять «особенности российского общества» является не столько политическим самоопределением (которое, как можно видеть, крайне амбивалентно), сколько одной из политически безотказных тактик по сохранению государственного взгляда под видом социологического, призванного гарантировать благосклонность инстанций, предоставляющих учебнику марку «рекомендованного». При этом во множестве учебников, автором которых значится только А. И. Кравченко, объективированы прямо противоположные, т. е. снова либеральные политические императивы: призыв не пытаться «нащупать какие-то особые, свойственные только России законы развития»⁴⁶, указания на эталонный опыт США как одной из «цивилизованных рыночных стран»⁴⁷ и пожелание «внедрить западные рецепты на родную почву, где они не очень успешно приживаются»⁴⁸. В свою очередь, в пособиях с авторством В. И. Добренькова находят выражение форс-идеи, прямо совпадающие с риторикой Г. В. Осипова: например, предлагаемая национальная доктрина образования должна строиться на основах народности, государственности, опережающего развития, адекватности, непрерывности, академических свобод и автономии⁴⁹. Отчетливо конфликтующие определения и отсылки в разных учебниках тех же авторов примиряются в амбивалентном схематизме самого государственного мышления, где, при действующем сегодня балансе сил, легитимны и образец США, и предпочтение отечественных «золотых фондов». То, что объединяет крайности на страницах этих учебников сильнее того, что их разделяет — право просвещать обеспечено соблюдением политического здравомыслия.

Наконец, здесь сходятся полюса еще одной оппозиции. Нейтральный и претендующий на полноту школьный взгляд, объективированный в многочисленных сносках, насыщенном графизме и обширных перечнях основного текста, еще не набирает полной силы на страницах предисловия, и потому приоткрывает концептуальный изъян, реализованный во всей массивной конструкции учебника: требовательный к понятийным различиям, но при этом не различающий научного и политического, этот взгляд стирает границу между *социальной проблемой* и *проблемой социологической*. В едином списке статус и имя «фундаментальной проблемы российского общества» полу-

ют «экзистенциальный менеджмент» и «школа «ультрадетальных эмпирических исследований»». Двойной разрыв с декларацией собственных намерений: неявный отказ «золотому фонду отечественной социологии» в статусе современного и столь же неявное вписывание американских маргинальных ответвлений в число центральных, — представляет собой иную форму предпринятого в целях безопасности смещения классификаций, призванного обойти рискованные крайности как явного превознесения американской социологии, так и не менее явного отказа российской социологии в ее оригинальности.

⁴⁶ Кравченко А. И. Социология. Учебник. М.: ПБОЮЛ Григорян А. Ф., 2001. С. 10.

⁴⁷ Там же, с. 8; Кравченко А. И. Социология. М.: Академический проект, 2002. С. 5–6.

⁴⁸ Кравченко А. И. Социология менеджмента. М.: Юнити, 1999. С. 12.

⁴⁹ Волков Ю. Г., Добреньков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология. М.: Гардарики, 2002. С. 357–367.

чают бедность и социальная структура, конфликт и социальный институт⁵⁰. Как возможна подобная, еще большая, чем в рассмотренных нами примерах академической социологии, неразличимость в основаниях классификации? Объяснение не может исчерпываться отсылкой к образовательной логике, взятой вне зависимости от ее институционализированных форм, поскольку в случае других дисциплин, например, истории – на первый взгляд, событийного перечня *par excellence* – проблему составляет, скорее, жесткость университетских внутридисциплинарных делений⁵¹, которые допускают не меньшую политическую ангажированность, но при этом куда более требовательны к различию «факта» и «мнения». Институциональная структура социологических факультетов – их кафедральный репертуар – способна помочь объяснению этой логики неразличимости.

Если взять сам по себе список кафедральных обозначений социологического факультета МГУ, за его академической нейтральностью, которая продиктована принадлежностью к крупнейшему университету, можно не уловить интересующего нас принципа⁵². Однако стоит незначительно расширить перспективу за счет социальных условий, в которых формировалась кафедральная номенклатура, и порождающая схема начинает проступать под его безличными пунктами. Как и в случае академической социологии, большую роль здесь играет силовая структура, предпосланная дисциплине в ключевой период конца 1980 – начала 1990-х, когда социология получила официальное государственное признание в качестве науки и инструмента «социально-экономических преобразований». Создание факультета, равно как реструктурирование ИСИ АН или организация ВЦИОМ, напрямую связано с постановлением Политбюро ЦК КПСС от 12 мая 1988 г. о развитии социологических исследований и подготовке специалистов по социологии. «Участие в реформах», которое для агентов уже существующих (академических) институтов стало одновременно актом признания и стратегической целью, для но-

⁵⁰ Внедрение понятия социальной проблемы (и его инвариантов) в основу смысловой структуры образовательной социологии, восстанавливает не только зависимость дисциплинарных классификаций от политических, но и прямую генетическую связь со структурным функционализмом 1960-х (проблема как дисфункция). Подобный шаг делает изначально избыточным вопрос о собственно социальном генезисе социальной проблемы, где признание и легитимация со стороны государственных инстанций завершают работу по ее конструированию (См.: *Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П.* Начала практической социологии, гл. 2). Таким образом, согласие с официальным порядком выражается не только в том, что явным образом утверждает учебник, но и в том, о чем он, вводя подобный понятийный монолит, не позволяет задуматься.

⁵¹ См., напр.: *Про А.* Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М.: Издательство РГГУ, 2000. С. 119. Речь идет прежде всего о воплощенной в кафедральной специфике исторической периодизации – ее священных границах, переступление которых тесно связано с нарушением границ компетентности и поддержание которых, наряду с обеспечением научного уровня, препятствует обновлению инструментария исторических исследований.

⁵² Вот перечень кафедр, позаимствованный с сайта факультета (www.socio.msu.ru): истории и теории социологии; методики конкретных социологических исследований; социологии труда и экономической социологии; социальной информатики; социологии культуры, образования и воспитания; политологии и социологии политических процессов; социологии международных отношений; социологии коммуникативных систем; социологии семьи; социологии организаций; государственного и муниципального управления.

вых институтов выступило исходным условием создания. Лежащий в основе кафедральной классификации отраслевой, а не напрямую политический или теоретический принцип – не что иное, как институционализированный под именем социологии государственный курс конца 1980-х, который еще не вполне вышел за рамки советской системы координат «научного управления обществом». Быстрое падение акций социологии в деле «государственного реформирования» в начале 1990-х и стабильный государственный спрос на экономику и экономистов приводят, с одной стороны, к переориентации преподавателей факультета на политическое консультирование муниципальных органов и подготовку местных избирательных кампаний, с другой стороны, к их ориентации на свободный рынок услуг и подражание экономике: консультирование частных предприятий, подготовку персонала и т. п. Эти (пере)ориентации отражаются непосредственно в структуре ведущихся на факультете занятий. Изменения кафедрального репертуара также чутко повторяют колебания государственного курса на рынке социологического образования: с середины 1990-х факультет выступает соучредителем Московского университета бизнеса и управления, на самом факультете открывается кафедра государственного и муниципального управления, собственное отделение менеджмента, а также обсуждаются планы открытия кафедры социологии безопасности. Продолжая экспансию на образовательном рынке, факультет, с одной стороны, стремится стабилизировать свое экономическое положение, с другой, все явственнее утрачивает дисциплинарную специфику. Таким образом, принципиальная неразличимость социального и социологического более явственная, чем в академической версии, результирует невозможное разрешение оппозиции, исходно заложенной в структуре факультета, которая наследует советской социологии и в иных формах воспроизводится логикой Перехода – между требованиями профессиональной (университетской) автономии и утилитарным назначением социологической практики, где баланс постоянно смещается в сторону второго полюса⁵³.

В этом отношении кафедральный репертуар прочих социологических факультетов еще более показателен. Учитывая, что за пределами МГУ, в частности, в новых образовательных институтах (или на создаваемых с конца 1980-х гг. кафедрах) академическая цензура значительно слабее, больший вес, приходящийся на утилитарный принцип в организации кафедр, более реалистично объективирует силовую структуру дисциплины, которая имеет все шансы сохраняться в ближайшем будущем. Доминирующее положение таких кафедр (специализаций), как социология управления (менеджмент), экономическая социология, прикладная социология, реклама, социальная работа⁵⁴ обеспечивается не только их численным преобладанием в общем

⁵³ Следует отметить, что один из авторов учебника, В. И. Добреньков, является деканом социологического факультета и одновременно главой кафедры истории и теории социологии. Высшие административные полномочия над историей и теорией, отправляемые, с одной стороны, ввиду ангажированности «социальными проблемами», с другой, в контексте заботы об экономическом благополучии факультета, в концентрированной форме воплощают примат принципа утилитарности.

⁵⁴ Для прояснения репертуара кафедр (специализаций) были взяты Московский социальный государственный университет; социологический факультет СПбГУ; социологический фа-

списке, но и структурой читаемых курсов в целом, где «прикладная» ориентация инвертирует изнутри даже наиболее культурно легитимные разделы. Яркий пример такой инверсии — общее обозначение «прикладной культурологии» для рекламы, туризма, артбизнеса и имиджмейкерства; близкая ситуация — с «социологией коммуникаций», в границах которой социолингвистика непосредственно соседствует с рекламой, а киноведение — с маркетингом. В этом смысле, учебник центральной образовательной инстанции, с оговорками сообщающий о практическом назначении дисциплины, в цензурированной форме объективирует здравый смысл всего рынка социологического образования. То, что в университетском пособии обретает амбивалентную форму, требующую дополнительных усилий по расшифровке, в пособиях, избавленных от излишнего груза академической цензуры, представит в более ясной форме. Спектр декларируемых задач социологического образования варьирует от определений по образцу популярной психологии, предлагающей техники воздействия на людей в повседневной жизни⁵⁵, до аналогий с моральной педагогикой⁵⁶ и уже знакомых в своей профессиональной двусмысленности намерений «сформировать социальное мышление, понимание социологических проблем, источников их возникновения и возможных путей разрешения»⁵⁷.

Констатируя со всей убежденностью задачи социологии, авторы пособий на деле лишь пытаются предвосхитить и сформировать возможные рынки сбыта своих услуг, которые в иной форме представлены в кафедральном репертуаре учебных заведений. Университетский учебник, с его попыткой задействовать наиболее легитимные противоположности, производит точно такую же социальную операцию в форме, освященной положением центральной инстанции. Отличия в структуре и риторике текста создают иллюзию радикального обновления, разделяемую прежде всего самими соревнующимися на рынке учебников авторами. Но вариации одного и того же рассчитанного на успех приема в целой серии учебников демонстрируют, напротив, общность практических оснований, вызванную общностью ставок и сходством компетенций их авторов: социология в ее образовательной форме мыслится прежде всего как прикладная дисциплина, напрямую отвечающая требованиям социальной полезности и текущего заказа — выражаются они в терминах государственного и общественного интереса или «личной пользы» и частной выгоды.

Рынок учебников — через рынок образования, где уже с начала 1990-х императив воспроизводства незаинтересованного знания (т. е. подготовки учено-

культет Высшей школы экономики; факультет социологии, экономики и права Государственного педагогического университета; факультет социологии и управления персоналом Государственного университета управления; факультет управления и социологии Тверского государственного университета; факультет социологии и управления Смоленского государственного педагогического университета; социологический факультет Самарского государственного университета; социологический факультет Саратовского государственного университета; социологический факультет Алтайского государственного университета.

⁵⁵ Фролов С. С. Социология. М.: Гардарики, 2001. С. 5.

⁵⁶ Волков Ю. Г. Социология. Элементарный курс. М.: Гардарики, 2001. С. 206–216.

⁵⁷ Радугин А. А., Радугин К. А. Социология: курс лекций. М.: Центр, 1996. С. 9.

го) «естественным образом» уступает место императиву «приложимости» знания — в свою очередь, так или иначе отсылает к рынку труда. Преподаватели вузов, к числу которых принадлежит большинство авторов учебников, при построении занятий нередко согласуются с ощущением того, «что нужно студентам», а еще чаще — «что им вовсе не нужно». Отделенные от студентов порогами образовательной иерархии и различиями во взгляде на социальный мир, они, тем не менее, разделяют с ними ряд очевидностей, среди которых — убеждение, что лишь немногие студенты социологических кафедр и факультетов продолжают научную карьеру. Можно было бы предположить, что прогрессирующая эрозия идеи автономного знания на страницах социологических учебников всего лишь отражает этот очевидный для студентов и преподавателей статистический факт. А авторы учебников, угадывающие, «что нужно студентам», рассчитывают прежде всего на успех своего текста на рынке, выраженный в цифре тиража⁵⁸. Нельзя полностью устранить этот фактор, объясняя гетерономную логику конструирования учебника. Однако при более внимательном взгляде на представленные в свободной продаже пособия можно понять, что за общедоступным рынком учебников скрывается не очень заметное для анонимного читателя, но от того не менее важное для самих авторов пространство игры со свойственными ему специфическими ставками.

Целый ряд вузовских учебников, а также «таблиц» и вопросников для студентов, представленных на рынке, изданы под грифом того или иного учебного заведения (факультета, кафедры, отделения), в официальном плане которого имеется курс социологии, а авторами пособия, в свою очередь, выступают преподаватели, этот курс читающие. В отличие от продукции нескольких *серийных профессионалов*, которые в течение трех-пяти лет успевают издать стандартные тексты по целому кругу родственных дисциплин (общая и отраслевые социологии, политология, культурология, философия) или за два-три года — клишированные учебники по социологии для образовательных заведений разных уровней (для вузов, специализированных училищ, старших классов и т. п.), пособия *кафедральных авторов* нередко издаются единожды или переиздаются в неизменном виде, выходят меньшими тиражами и остаются в рамках более узкой специализации. Они предназначены в первую очередь студентам, которые лично посещают курс и для которых знание текста нередко необходимо для успешной сдачи экзамена. Иными словами, целый сектор учебной литературы, поставляемой на свободный рынок, на деле является не чем иным, как развернутой объективацией *кафедры*, предъявляющих учебник вышестоящим инстанциям как беспорное — официальное и материальное — свидетельство своего существования и, одновременно, навязывающих его своей внутренней студенческой аудиторией как критерий успеваемости.

⁵⁸ Эта цифра для учебников всегда выше цифры тиража научного издания, что делает более вероятным наличие экономических ставок у авторов учебников. Если верхним порогом тиража научного издания зачастую оказывается 3 тыс. экземпляров, то тираж учебника начинается с 5 тыс. и может достигать (без учета допечаток, переизданий и незначительно измененных версий) 20 тыс. и даже 50 тыс. экземпляров (случай сокращенной, однотомной версии учебника: Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология. М.: Инфра-М, 2001).

Однако различие между серийными и кафедральными авторами не отображается прямым и очевидным образом в структуре учебников. Предположив, что кафедральные тексты более полно подчинены сухим образовательным стандартам, чем пособия, рассчитанные на успех у широкой студенческой аудитории, в реальности мы обнаружим прямо противоположную картину. Кафедральные пособия допускают большие отклонения от стандартов в пользу «локальной версии», поскольку появление текста и наличие у него обязательного читателя заранее обеспечено самим существованием кафедры и встроенным в ее функционирование курсом. Тогда как успех серийных производителей учебников, издаваемых существенно большим совокупным тиражом, определяется не резонансом со вкусами широкой публики (как в случае литературного успеха), но готовностью узкого слоя коллег-преподавателей включить эти тексты в краткий список базовых пособий, которые лишь после подобного освящения приобретают студенты. Текст, претендующий на такой специфический успех, с одной стороны, должен предоставлять основу наибольшему числу всех возможных курсов, в свою очередь, зафиксированных в институционализированном репертуаре учебных заведений, с другой стороны, должен максимально полно отвечать образовательному стандарту, соблюдение которого является обязательным условием государственной аттестации заведений⁵⁹. Именно поэтому авторы учебников так охотно сообщают в предисловиях о соответствии своего текста госстандарту: гриф «рекомендовано» (или, на более низкой ступени, «допущено»), который через образовательные нормы конвертирует признание текста официальными государственными инстанциями в его признание преподавателями, оказывается одной из важнейших ставок на рынке учебников. Вокруг нее в пространстве бюрократических инстанций организуется невидимая анонимному читателю борьба⁶⁰. Стремление получить гриф, при наличии целого ряда конкурирующих авторов-преподавателей, способных произвести схожий результат, делает соответствие госстандарту минимальным условием успеха в глазах министерского читателя-эксперта и приводит к стремительной унификации текстов. Здесь и расположен источник сходства структур большей части социологических пособий, которые, с опорой на обязательный госстандарт, проецируются в читаемые курсы. Правила игры

⁵⁹ Государственная аттестация обеспечивает выпускникам диплом государственного образца, предпочтительный для поиска работы на анонимном рынке труда, а потому само ее наличие у вуза нередко оказывается минимальным требованием при его выборе абитуриентом. В свою очередь, для образовательной инстанции соответствие госстандарту напрямую отражается в количестве студентов (в том числе, если не прежде всего, оплачивающих свое образование). Иначе говоря, госстандарт парадоксальным образом превращается в невидимый (но, одновременно, столь осязаемый на уровне структуры и самопрезентации учебника) ключевой пункт, связывающий две, казалось бы, напрямую не подчиненных государственному регулированию области: предложение на образовательном рынке и спрос на рынке труда.

⁶⁰ Формула здравомыслия одного из серийных авторов, который сам является постоянным и порой успешным участником этой борьбы, указывает, что получение грифа, а значит и замысел текста ввиду его получения, предполагает в качестве ключевого читателя и посредника министерского чиновника: «Это все исключительно министерские игры; кто ближе к высокому креслу, у кого наверху есть друзья или покровители — тот, в конечном счете, и получает штамп» (ремарка на собрании в одном из академических институтов).

превращают госстандарт в неустранимый пункт реальности и основу здравого смысла образовательной социологии, наряду с верой в возможное расширение рынка образовательных услуг – совмещение, которое вместе со смешением концептуальных и политических противоположностей во имя высшей легитимности учебного текста вносит решающий вклад в зыбкость дисциплинарных классификаций.

Понять, что принцип сходства между социологическими учебниками составляет не концептуальный консенсус, а рутинизированная множеством повторов борьба за официальное признание текста, позволяет простая демонстрация. Достаточно сравнить оглавление одного из наиболее широко используемых типовых учебников с положениями госстандарта, чтобы убедиться, что текст является незначительной вариацией на темы официальной классификации, включая дословный повтор ряда формулировок.

Фролов С. С. Социология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994	Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности социология (утвержден 4.03.1995) ⁶¹
--	--

Раздел I. СОЦИОЛОГИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Глава 1. Открытие социологии как научной дисциплины	История социологии
§ 1. Возникновение социологии как науки	Социально-исторические предпосылки возникновения социологии как науки
§ 2. Объект и предмет социологии	Научные теории в понимании объекта и предмета социологии
Глава 2. Структура социологического знания	
§ 1. Получение научного знания об обществе	Специалист должен иметь представление о структуре социологического знания...
§ 2. Социальные законы	
§ 3. Уровни социологического знания	

Раздел II. КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ

Глава 1. Содержание культуры	Специалист должен ... понимать и уметь объяснить феномен культуры, ее роль в человеческой жизнедеятельности, иметь представление о способах приобретения, хранения и передачи социального опыта, базисных ценностей культуры
§ 1. Определение понятия "культура"	
§ 2. Культура и система норм	
§ 3. Структура культуры	
§ 4. Формы проявления культуры в жизни человека	
§ 5. Происхождение, развитие и распространение культуры	Закономерности функционирования культуры в обществе, в общественной системе
Глава 2. Личность и общество	Личность как социальная система: субъект и продукт социальных отношений
§ 1. Основные факторы развития личности	Специалист должен знать ... социологический подход к личности, факторы ее формирования в процессе социализации
§ 2. Социализация личности	

⁶¹ В этой колонке приводятся формулировки из ч. 2 документа («Требования к уровню подготовленности») и ч. 3 («Обязательный минимум содержания программы»). В настоящее время действует обновленный вариант госстандарта, утвержденный в 2000 г. Оба варианта доступны на сайте «Информики» (db.informika.ru/spe/index.htm).

Фролов С. С. Социология...	Государственный образовательный стандарт...
Глава 3. Социальные роли и личность	Личность и социальные установки. Ролевое поведение и установка
§ 1. Процесс обучения ролям	
§ 3. Ролевое напряжение и ролевой конфликт	Специалист должен ... понимать сущность ролевого конфликта
Глава 4. Социальный контроль и социальные отклонения	Специалист должен знать ... природу социальных отклонений, "аномий" ... специфику социальных действий, социального контроля
§ 1. Социальный контроль	
§ 2. Отклоняющееся (девиантное) поведение	
§ 1. Возникновение социологии как науки	Социально-исторические предпосылки возникновения социологии как науки
§ 2. Объект и предмет социологии	Научные теории в понимании объекта и предмета социологии
Раздел III. СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ	
Глава 1. Формирование социальных взаимосвязей	Социальные связи, взаимодействие между индивидами, группами, общностями
§ 1. Социальные контакты	
§ 2. Социальные действия	
Глава 2. Социальные отношения	Закономерности взаимоотношений социальных субъектов по поводу политической власти
§ 1. Формирование социальных отношений	
§ 2. Социальные отношения зависимости и власти	
Глава 3. Социальные институты	Социальные институты и институциональные отношения
§ 1. Определение понятия "институт"	
§ 2. Процесс институционализации и развитие институтов	Специалист должен знать ... основные составляющие ... понятия ... социального института
§ 3. Институциональные признаки	
§ 4. Институциональные функции и особенности социальных институтов	Специалист должен знать ... способы деятельности различных социальных институтов
§ 5. Институт семьи	Функции и структуры семьи
Раздел IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ	
Глава 1. Возникновение социальных групп	Социальные связи, взаимодействие между индивидами, группами, общностями
§ 1. Что такое социальная группа	
§ 2. Квазигруппы	
Глава 2. Виды социальных групп	Специалист должен знать ... основные виды социальных общностей, основы их формирования и характер функционирования, в том числе квазигрупп... как неустойчивых, кратковременных социальных образований... знать особенности групповых взаимодействий, способы изучения групповой динамики, групповой организации
§ 1. Группы, разделяемые по принадлежности к ним индивидов	
§ 2. Группы, разделяемые по характеру взаимоотношений между их членами	
Глава 3. Социальные организации	Социальные общности как формы социальной организации индивидов
§ 1. Определение организации и ее внутренняя структура	
§ 2. Управление организациями	Управление человеком и управление группой
Раздел V. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	
Глава 1. Социальные и культурные изменения и социальные процессы	Массовое сознание и массовые действия, социальные изменения, источники социального напряжения
§ 1. Виды социальных изменений	
§ 2. Социальные процессы	Изменение социальной структуры общества

Фролов С. С. Социология...	Государственный образовательный стандарт...
§ 1. Природа социальных движений	
§ 2. Социальные ситуации, благоприятствующие возникновению и развитию социальных движений	Специалист должен знать ... типологию, основные источники возникновения и развития массовых социальных движений
§ 3. Личностная восприимчивость к социальным движениям	
Глава 3. Социальная мобильность	
§ 1. Природа социальной мобильности	Специалист должен ... понимать механизм горизонтальной и вертикальной мобильности и его влияние на изменение социальной структуры общества
§ 2. Проблемы социальной мобильности	
§ 3. Индивид и социальная мобильность	
§ 4. Миграция	Специалист должен ... уметь выделить в социальной реальности основные типы социальных процессов: ... конфликтов ...

Другой стратегией, также прямо опирающейся на официальные классификации, является еще одна попытка слияния — на сей раз захват сразу нескольких профильных аудиторий на основе того общего, что предписывает госстандарт для каждой из них. Вот пример такой стратегии, ясно обозначенной непосредственно в подзаголовке не менее популярного издания: А. А. Радугин, К. А. Радугин. Социология. Курс лекций для студентов и преподавателей вузов, техникумов и учащихся старших классов школ, колледжей, гимназий, лицеев. М.: Владос, 1995 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.].

Нет нужды в сравнении множества типовых учебников, поскольку их структура напрямую воспроизводит госстандарт — о чем свидетельствует уже сходство оглавлений и декларации авторов, рассчитывающих на получение грифа «рекомендовано»⁶². Университетский трехтомник, самопровозглашенный учебником «нового поколения», действительно отходит от этой линии, позволив себе более свободную игру с предписаниями стандарта. Игра состоит в очередном, на сей раз жанровом совмещении, когда под одной обложкой объединены нормализующая классификация, общая для всего круга построенных на госстандарте учебников (социальная структура, социальные группы, институт семьи, система образования и т. д.), и проблематика, еще с советского периода неизменно центрирующая пособия по ведению эмпирического исследования (фиксация проблемы, выделение объекта и предмета, формулировка гипотез и т. д.). Более свободное распоряжение нормами госстандарта становится возможным отчасти благодаря тому, что весомое пособие, наряду с адресацией «учебника для всех», обладает свойством «кафедрального учебника», который императивно введен в качестве базового для студентов всего социологического факультета МГУ; однако помимо того, от-

⁶² «При разработке структуры, а также при содержательном рассмотрении вопросов авторы стремились максимально реализовать все требования государственного стандарта...» (Радугин А. А., Радугин К. А. Социология: курс лекций. М.: Центр, 1996. С. 9 [рекомендован]); «С учетом требований государственного образовательного стандарта излагаются основные понятия и темы социологии» (Филатова О. Г. Социология. СПб.: Изд-во Михайловых, 2002. С. 8. [рекомендован]) и т. д.

клонения текста от официального стандарта обеспечены официальным положением по крайней мере одного из авторов: В. И. Добренъков занимает пост председателя Совета учебно-методического объединения по образованию в области социологии, чья подпись удостоверяет тексты госстандарта 1995 и 2000 гг. наряду с подписями работников Минобразования⁶³.

Впрочем, пространство свободного маневра по отношению к госстандарту и в этом случае крайне невелико. Несмотря на иллюзию энциклопедической полноты текста, совмещение разнообразных классификаций во имя высшей легитимности ведет отнюдь не к расширению списка социологически возможных тем, а к заданию твердых и ясных оснований, незыблемость которых, в свою очередь, гарантирована официальными государственными классификациями или такими пунктами профессионального здравого смысла, которые через недавнее прошлое дисциплины напрямую к ним обращаются. Целый ряд разделов либо в неизменном виде воспроизводит официальный порядок в его юридическом выражении (например, разделы т. III «Социальный контроль» или «Образование»⁶⁴), либо, в более эвфемизированной форме, ту объяснительную схематику, которая лучше всего с ним согласуется. Вот показательный перечень «основных категорий социологии» (в тексте одноименного раздела (II, с. 78–87 [В тексте даны жирным шрифтом – А. Б., С. Г.]): статус, роль, социальная структура общества, социальные функции, социальное взаимодействие, социализация, культура, социальные институты (в число которых, как частный случай, попадает социальная практика), социальная система, социальная группа, социальный состав населения, социальная стратификация, социальные процессы, социальные явления, социальное действие, субъекты социального действия. То общее,

⁶³ Крайне показательно, что, несмотря на факт такого авторства, трехтомник, в отличие от сокращенной и нормализованной однотомной версии (с грифом «допущен»), вообще *не имеет* грифа Минобразования и выпущен относительно небольшим начальным тиражом (3000 экз.) – приближаясь в этом к кафедральному пособию. В отличие от него, другой упоминавшийся нами учебник, в числе авторов которого также значится В. И. Добренъков (Волков Ю. Г., Добренъков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология. М.: Гардарики, 2002. [5000 экз.]), снабженный грифом «рекомендован» и, кроме того, получивший первое место на конкурсе Министерства образования по изданию учебников в номинации «Социология», гораздо более явственно и лояльно воспроизводит структуру госстандарта. Отсутствие/наличие грифа в этих случаях доказывает, насколько велика роль самой развернутой в тексте эталонной классификации (как критерия официальной состоятельности пособия) – вне зависимости от административного веса его авторов.

⁶⁴ Следует отметить, что явные юридические и квазюридические основания этих разделов сочетаются с конструкциями экономического, статистического, демографического порядка, которые также подчинены официальному взгляду, но выражают его в иной форме. Это составляет еще одну из отличительных черт университетского учебника, который объективирует позицию центральной учебной институции, воспроизводя признаки научного стиля, воплощенного также в обширной, более чем 1000 единиц, библиографии (на русском и английском языках), не считая многочисленных подстрочных сносок. В другом упомянутом учебнике (Волков Ю. Г., Добренъков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология), уже гораздо менее обязанном логике институциональной принадлежности, классификации из соответствующих разделов попросту совпадают с юридическими определениями: «Преступление и система правосудия» (с. 215–232), «Образование» (с. 357–367) напрямую воспроизводят язык самопредставления официальных инстанций.

что, помимо прилагательного «социальный», объединяет эти понятия – системный подход, прежде свободно сопрягавшийся и с историческим материализмом, и с управленческой риторикой, а сегодня мирно культивируемый на почве школьной наглядности. В сходной логике, которая согласуется с советским символическим порядком, представлена иерархия научного знания (сверху вниз): научная картина мира, общая теория, частная теория, эмпирические исследования, прикладные исследования (I, с. 89). Взаимосвязь видов знания, представленная в разделе о меж- и внутридисциплинарных «матрицах» социологии, воплощена в тех же категориях. Иными словами, под видом современного и эмпирически обоснованного знания «о реальности» текст навязывает схематику из «золотого фонда» официальной советской метафизики 1970-х, перенесенную в учебник «нового поколения» в силу эффекта позиции, определяемой в т.ч. поколенческой принадлежностью⁶⁵, а также неявным согласием между актуальными управленческими классификациями, вписанными в утилитарный поворот образовательной социологии, и лицензированными государством классификациями советского периода, на которые этот «золотой фонд» непосредственно замкнут.

Несмотря на явную дисциплинарную идентификацию, которая здесь и в остальных учебниках обеспечивается отсылками к истории социологии, использованием риторики объективности, научности гипотез и т. п., нецензурируемое присутствие внешнего заказа и прямой перенос политических категорий (а также произведенных на их основе эвфемизмов, облагороженных статистическими или понятийными отсылками) в язык пособия, наряду с отказом от идеи научной автономии и эффектом политической нормализации, утверждают отказ от собственного профессионального языка дисциплины. Картография объектов, порожденная работой государственных инстанций, становится той конечной областью, к которой отсылает текст, формально квалифицируемый как социологический. Простое заимствование категорий, произведенных и/или гарантированных государственным порядком, делает *избыточной* исследовательскую практику, как и само специфически социологическое объяснение социального мира, место которого занято официальными формулировками. Отсутствие нужды в собственно социологической работе возвращает к неразличимости социальной и социологической проблемы. Порожденная прямым переносом политических классификаций, эта неразличимость стирает видимую границу между советским учебником 1970-х, который предписывал начинать исследование с общественной проблемы и формулировки гипотез на основе здравого смысла, и «учебником нового поколения», который, заботясь о «реформировании реальности», конформно воспроизводит наиболее устойчивые формы политического порядка.

В таким образом замкнутом горизонте дисциплины любые автономистские претензии, не сводящиеся к институциональному самообоснованию, рассматриваются как подозрительная «заумь». Этим и объясняется слабая интеграция в социологическое образование переводных пособий, которые предлагают взгляд на дисциплину с научно автономных позиций. Они нерелевантны нуждам и верованиям российской образовательной социологии, поскольку говорят «не о том», предлагая инструменты разрыва с базовой для нее

официальной очевидностью, и настаивают на научной специфике социологической практики, избыточной как с точки зрения лояльного государственного взгляда, так и с точки зрения утилитарного поворота. Именно в такой ситуации оказывается, например, французское коллективное пособие «Начала практической социологии»⁶⁶, которое воплощает радикально отличную от отечественных учебников стратегию приобщения к «ремеслу социолога»: формирование практического навыка через демонстрацию того, как работает социологическое исследование. Учебник фактически не получил признания в образовательном секторе российской социологии, несмотря на существование перевода с 1996 г (1-е издание). Выстроенный на основе конкретных исследовательских случаев и вопросов⁶⁷, напрямую апеллирующих к автономии научной практики, текст радикально отличается от всех изданий, представленных в российском обороте. Конфликт восприятия обеспечен уже характером ключевых положений французского пособия: социология — лишь одна из конкурирующих точек зрения на социальный мир, в исследовании необходим разрыв с обыденными и политическими предпонятиями, социологическая проблема не сводится к социальной проблеме, опросы общественного мнения — не наука... Заявленная в «Началах» программа расходится едва ли не со всеми основополагающими пунктами здравого смысла российской социологии, и если профессиональные достоинства, реализованные в пособии, послужили его широкому признанию во французском образовательном секторе, то в российском они оказались решающим препятствием для его рецепции.

Госстандарт цементирует фундамент здравого смысла образовательной социологии, вновь и вновь повторяясь в структуре учебников, авторы которых состязаются за гриф «рекомендовано», и неявная для анонимного чита-

⁶⁵ Например, В. И. Добренков (род. 1939) является автором раздела «Опрос как метод конкретных социальных исследований» в учебнике: Лекции по методике конкретных социальных исследований /Под ред. Г. М. Андреевой. М: Изд-во МГУ, 1972, — выпущенном кафедрой методики конкретных социальных исследований МГУ (создана в 1968, под руководством Г.М. Андреевой). Но, что более существенно, для авторов-преподавателей, хотя в ослабленной и измененной форме, сохраняют актуальность те же профессиональные императивы, которые действуют в академической социологии, где господствующее положение занимают социологи, вошедшие в дисциплину в 1960-х гг. При явственном различии между актуальными (политически заданными) позициями, с одной стороны, например, Т. И. Заславской или В. А. Ядова, с другой, М. Н. Руткевича или В. И. Добренкова — различии, которое объективируется в т.ч. в различном самоотнесении к советскому периоду, необходимость использования и переопределения категорий советской социологии составляет неизбежный пункт профессиональной реальности и, в этом смысле, один из элементов свойственного ей здравого смысла. Разница форм интеграции официальной схематики советского периода в актуальные тексты социологов старшего поколения образует один из важных признаков позиции. Эта разница может состоять, например, в констатации достижений своей исследовательской группы или школы/явной декларации достоинств советской социологии как таковой.

⁶⁶ *Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П.* Начала практической социологии /Пер. с фр. Д. В. Баженова, А. Т. Бикбова, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чердниченко под ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии — СПб.: Алетейя, 2001.

⁶⁷ Исследования, фрагментами которых оперируют авторы учебника, проводились либо ими самими, либо связаны с темами их эмпирической работы, что заметно повышает как концептуальную связность текста при разнообразии встроенного в него материала и научных источников, так и точность его соответствия практическим нуждам исследователя.

теля (студента) адресация к читателю министерскому, деконтекстуализированная и выдаваемая за авторский замысел, транслируется через текст пособия уже как дисциплинарное кредо, претендующее на универсальность. Однако госстандарт — это не прямая, произведенная самими государственными институтами объективация государственного мышления. Согласно самопрезентации социологического факультета МГУ, его преподавательский корпус принимает активное участие в формировании текста стандарта, и это значит, что при ином балансе сил этот текст мог бы превратиться в пространство борьбы за научную автономию, не менее интенсивной, чем та работа по предвосхищению официального вердикта, которая делает учебник простым уточнением государственных классификаций, т. е. инструментом неявной, но действенной — на уровне здравого смысла дисциплины — политической нормализации.

Впрочем, в своем нынешнем состоянии госстандарт, все же, испытывает обратное действие императивов образовательной социологии. Так, в отличие от версии 1995 г., в тексте 2000 г. раздел «Квалификационная характеристика выпускника-социолога», где перечисляются необходимые навыки и возможные сферы профессиональной реализации⁶⁸, уже не предполагает собственно исследовательской квалификации и карьеры выпускника: скорректированный в соответствии с актуальными утилитарными ориентациями рынка образовательных услуг, он определяет социолога прежде всего как узкого специалиста, работающего на внешний заказ. Этот сдвиг еще раз демонстрирует, что отказ от идеи автономного знания — не тактический маневр, используемый авторами учебников в отношениях с миром государственных учреждений, но добровольное определение социологического интереса через «социальную проблему» — сведение всего разнообразия научных практик и форм мышления к сфере консультационных услуг. Навязывая студентам-социологам прагматический горизонт, где за видимой полнотой и благоприятными профессиональными перспективами скрывается крайне узкий репертуар профессиональных возможностей, социологические факультеты в крайней форме воспроизводят подмеченный Бурдье эффект: «Один из наиболее скрытых эффектов образовательной институции заключается в том, что, благодаря почти полной своей монополии... она лишает «обучаемых» понимания лишения, т. е. всего того, что она им не дает»⁶⁹.

Заключение: от знания — к силе

Здравый смысл истории социальных наук все более плотно вписывает политическую ангажированность в ряд неотъемлемых признаков их современного состояния. На примере таких неоспоримо легитимных фигур, как П. Бурдье или М. Фуко, Ю. Хабермас или Э. Гидденс, ангажированность напрямую отождествляется с радикально или умеренно левыми предпочтениями, кото-

⁶⁸ Госстандарты расположены в базе данных «Информики» по адресу: db.informika.ru/spe/index.htm.

⁶⁹ Бурдье П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / Пер. с фр. Н. А. Шматко // Socio-Logos '96. М.: Socio-Logos, 1996. С. 12.

рые признаются столь же явным отличием этих авторов от предшественников, как элементы их собственно теоретических конструкций. Наше исследование, далекое от этих примеров, тем не менее, заставляет вернуться к общему вопросу о месте политических принципов в структуре научного мышления. Покинув избранный круг «великих имен», наряду с «благородными» формами политической ангажированности, которые не разрушают теоретических свойств самой ангажированной теории, наряду с внутренне когерентным левым радикализмом, который способен порождать собственные теоретические эффекты, мы обнаруживаем не менее глубокие, но гораздо менее когерентные формы либеральной, революционно-охранительной и даже оппортунистической ангажированности ученого мышления. Будучи по своему происхождению не менее современными еще до официального провозглашения «современности» историками социальных наук, эти политические определения дисциплинарных позиций не менее, чем в самых известных случаях, определяют свойства конечного научного результата. В этом отношении, политическая ангажированность — далеко не достаточный атрибут новизны и теоретической продуктивности в социальных науках.

Проделанный нами анализ прямого замещения (или упреждения) наиболее легитимными политическими делениями внутрисоциологических различий указывает, по меньшей мере, на неустранимое присутствие принципов политической мобилизации в порядке социальных наук и на то, что в отсутствии специфических средств и усилий по их объективации, они «самым естественным образом» подчиняют себе научное мышление через структуры научных институций. Неверно было бы предлагать тотальный контроль над политическими принципами в науке, который вел бы либо к планомерному — вплоть до окончательного — очищению социального знания от политических оснований, либо к единомоментному учреждению чистого социального знания. Прерывность в конструировании социологического знания обеспечено в той же мере сменой политических принципов, как поколенческой динамикой или эволюцией внутренней иерархии тем и объектов. Социологическая автономия — это не бастион концептуальной изоляции, но набор процедур возобновляемого разрыва с подвижным горизонтом политической и обыденной очевидности. Когда мы думаем о «великих примерах», мы нередко забываем, что политическая ангажированность, вписанная в силовые и смысловые структуры интеллектуального пространства — такой же сложный и чувствительный к направленным усилиям конструктор, как социальная теория, которой она сопутствует. Именно поэтому в наиболее привлекательных для нас случаях правильнее было бы говорить о рефлексивной ангажированности, где исходные политические диспозиции существенным образом перерабатываются в пользу интеллектуальной формы. Система случаев, рассмотренная нами, являет собой образец иного рода. Это политическая ангажированность, не перешедшая через порог научной автономии: из двух принципов — политического и научного определения позиций — первый оказался основанием профессиональной цензуры, которая блокирует направленные в его адрес вопросы и критические усилия. Мы далеки от того, чтобы утверждать исключительность российского случая в этом отношении. В современном (актуальном) состоянии социальных наук

случайным, скорее, оказывается какой-то радикально отличный от описанного баланс сил. Просто российский пример «естественно» связан с нашей профессиональной ситуацией и (потому) наиболее хорошо нами изучен.

Предпринимая анализ, мы менее всего рассчитывали на его восприятие как собрание частных случаев. Однако, как верно отмечал П. Бурдьё в «*Homo academicus*», анализ механизмов актуального поля всегда рискует быть прочитан как ряд анекдотов и личных выпадов. Не остается сомнений, что санкции не заставят себя долго ждать. Впрочем, работа над избранной темой налагает свои позитивные ограничения на форму представления материала помимо требований осторожности. Вовсе не упоминать личных имен мы не могли, тем более работая с таким компактным объектом, как господствующие позиции в дисциплине. Используя факты исключительно из общедоступных источников и из профессиональных публикаций, мы оказались бы в странном положении, не ссылаясь на них. И, одновременно, мы не смогли бы показать элементов механики политического формирования социологических представлений, если не обратились бы к элементам биографий, к публикациям, быстро теряющим свой престиж в новой политической конъюнктуре, к конкретным образцам жанра учебников. Именно в отсутствии этих данных, написанный из общих соображений и на общих основаниях текст рисковал бы превратиться в тривиальный политический памфлет. Напротив, интегрировав все приведенные факты, но также оставив немало за рамками работы, которая не могла вместить всего имеющегося массива, мы попытались достичь прямо противоположной цели, лежащий на стороне социологической автономии. Мы наметили тот контур дисциплины, который может послужить плоскостью отталкивания при построении альтернативных, более рефлексивных и автономистских стратегий. В этом смысле, мы разделяем тезис, который, несмотря на видимый идеализм, снова и снова доказывает свою справедливость: знать — значит мочь изменить. По крайней мере, в пределах научной практики. Надеемся, что для читателя текст в целом или какие-то его элементы послужили инструментом альтернативной по отношению к господствующему взгляду объективации.